

РЕЦЕНЗИИ

И. И. Степанченко

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е. К. КУВАРОВОЙ
«ТИПОЛОГИЯ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ВОКАТИВА»
(Куварова Е. К. Типология русского эпистолярного вокатива : [монография] /
Е. К. Куварова. – Днепропетровск: Новая идеология, 2014. – 380 с.)**

Обращение как синтаксическая категория и синтаксическая единица – довольно сложное, а зачастую и противоречивое явление как в своём функциональном назначении, так и в субстанциональном представлении. И даже декларированная современными академическими грамматиками русского языка нормативная форма обращения в именительном падеже существительного, в том числе и любого субстантивата, далеко не всегда является универсальной при установлении и поддержании контакта между коммуникантами, в особенности если этот контакт осуществляется посредством переписки, когда обращение автора письма к своему адресату является ведущей жанрообразующей категорией эпистолярики, приобретает, как это и показано в рецензируемой монографии, особую функциональную и прагматическую значимость, а потому и переводится в новую ипостась, именуемую эпистолярным вокативом.

Е. К. Куварова проанализировала свыше 20 тысяч писем адресантов разных профессий и разного социального статуса (в основном интеллигенции), живших и писавших свои письма в XIX–XX столетиях и в непосредственно примыкавшие к этому времени годы, и построила вполне, на наш взгляд, адекватную типологию русского эпистолярного вокатива с чётким обозначением как её общелингвистической, так и персонифицированной специфики.

Сущность предложенной Е. К. Куваровой типологии русского эпистолярного вокатива заключается в своеобразной стратификации лингвистических фигур, являющихся обращением или содержащих в себе обращение, и классификации этих фигур со всеми их вариациями по таким четырём лингвистически значимым параметрам, как

способ адресации: прямая, опосредованная и совмещённая,
характер обращения: моновокатив и поливокатив,
характер базовой составляющей моделей вокатива: антропоним, апеллятив и комбинация антропонима и апеллятива,
стилистика вокатива.

Особое внимание при этом уделено двум всё ещё требующим кардинального лингвистического анализа явлениям: вокативному апеллятиву, самому разнообразному как в структурном, так и в содержательном плане вокативному образованию, и поливокативу, малоизученной фигуре, включающей в себя более одного обращения адресанта в одном письме к одному и тому же адресату. Отметим сразу, что предложенные в этом плане соображения Е. К. Куваровой представляются нам интересными и достаточно перспективными.

В рецензируемой монографии пять разделов, которым предпослано введение с кратким изложением основных проблем, связанных со становлением и развитием эпистолярики, и которые, как это обычно принято, заключаются выводами, библиографией и источниками фактического материала.

В первом разделе «Письмо как объект лингвистического исследования» описаны конструктивные параметры письма как документа и речевого произведения, указан их стандартный комплект, к которому относятся 1) выходные данные письма, т. е. время и место его написания, 2) адресация в виде некоего вокатива, 3) заключительная этикетная формула выхода из письма и 4) подпись адресанта. Представлены также комплект расширенный (с приветствием, каким-либо указанием

адресату, с постскриптумом и др.) и комплект редуцированный (с отсутствием каких-то параметров стандартного комплекта, в том числе и с отсутствием обращения). Приведены реальные примеры всех 16 теоретически возможных комбинаций конструктивных параметров письма в их стандартном комплекте, комбинаций, характерных только для письма и как документа, и как речевого произведения.

Во втором разделе «Эпистолярный вокатив как лингвистическая фигура» вводится и разъясняется понятие эпистолярного вокатива как вокатива (обращения), функционирующего в письме и обусловленного авторской персонификацией адресата, непосредственной или опосредованной. Вводится также и ряд производных от этого понятия терминов: вокативная конструкция (расширенное обращение), опосредованный вокатив (указанный автором письма адресат без непосредственного к нему обращения), контактив (обращение, не соотносящееся с личностью адресата и с отношением к нему автора письма) и др.

Третий, самый большой по объёму раздел «Основные типы русского эпистолярного вокатива» посвящён описанию собственно типологии вокативных образований. Е. К. Куварова всё многообразие вокативных моделей сводит к трём основным их типам, построенным соответственно на базе антропонима, апеллятива и комбинации антропонима и апеллятива. Вокативы, образованные на базе антропонима, с их вариантами имя (**И**), имя и отчество (**ИО**), имя и фамилия (**ИФ**), имя, отчество и фамилия (**ИОФ**), фамилия (**Ф**), отчество (**О**) – это хорошо изученная и самая простая форма обращения, обозначенная в рецензируемой монографии, но не потребовавшая от её автора каких-то специальных, отличных от общепринятых суждений и комментариев.

Для описания и систематизации вокативных моделей, построенных на базе апеллятива, предложена очень интересная и вполне адекватная классификация, которая разбивает эти модели на четыре основных типа в соответствии с такими их синтаксическими доминантами: 1) общий апеллятив, используемый при обращении в принципе к любому адресату (*господин, сударыня, товарищ, милостивый государь* и т. п.), 2) избирательный апеллятив, используемый при обращении к определённой группе социально значимых лиц (*капитан, профессор, ваше превосходительство* и т. п.), 3) спонтанный, т. е. жёстко не связанный с социальными нормами установления контакта (*земляк, поэт, хозяйка* и т. п.) и 4) апеллятив персонифицированный, используемый только каким-то конкретным адресантом при обращении опять же к какому-то конкретному лицу подобно чеховским обращениям типа *венгерец, лошадка ты моя, инфузория, собака* и т. п. Первые два из этих четырёх типов подразделяются на канонизированные и неканонизированные, следующие два – на объективно мотивированные и мотивированные субъективно.

Комбинация антропонима с апеллятивом может иметь самый разный вид (например, у Пушкина – *милостивый государь дедушка Афанасий Николаевич*, у Горького – *дорогой друг и учитель мой Александр Мефодиевич* или у Бунина – *Дорогой Таёжник, Пантелей Менделевич, Миклухо Маклай*), и, как самая разнообразная и в структурном, и в функциональном плане лингвистическая фигура, интерпретируется Е. К. Куваровой не только в её эпистолярном назначении, но и в синтаксическом плане, в соотносённости компонентов этой фигуры с таким, в частности, явлением, как приложение.

Теоретические выкладки и суждения автора рецензируемой монографии базируются на большом и удачно, на наш взгляд, подобранном фактическом материале, представленном несколькими массивами. Сначала приведены в качестве иллюстрации общего характера вокативных образований три списка всех обращений у адресантов с разным количеством вокативов (И. А. Бунин – 1300, М. П. Мусоргский – 653, С. А. Есенин – 180), затем список вокативных образований, перешедших однопроцентный статистический порог у каждого из 26 адресантов генеральной выборки (А. В. Суворов – 656, В. А. Жуковский – 111, А. С. Пушкин – 465, Н. В. Гоголь – 51, А. И. Герцен – 87, А. Н. Островский – 980, Л. Н. Толстой – 461, Н. С. Лесков – 298, М. П. Мусоргский – 443, П. И. Чайковский – 449, А. Ф. Кони – 242, В. Г. Короленко – 386, С. И. Танеев – 201, А. П. Чехов – 500, А. С. Серафимович – 273, А. М. Горький – 915, И. А. Бунин – 863, А. А. Блок – 444, Б. Л. Пастернак – 201,

М. А. Булгаков – 343, К. Г. Паустовский – 429, В. В. Маяковский – 132, И. Э. Бабель – 283, С. А. Есенин – 157, А. А. Фадеев – 191, Р. Г. Баранцев – 312.

Огромный и весьма, на наш взгляд, представительный фактический материал.

И ещё один список, в который в порядке убывания их частотно-распределительных характеристик (количества разных вокативных образований и через дробь – количества адресантов с их фамилиями в скобках, у которых они были зафиксированы) включены 9869 вокативов и вокативных конструкций, перешедших однопроцентный статистический порог хотя бы у одного из указанных адресантов генеральной выборки. Этот список главным образом и является тем фактическим материалом, на базе которого построены основные положения концепции Е. К. Куваровой. Вошедшие же в этот список вокативы представляют собой свыше 130 разных их моделей, каждая из которых иллюстрирует ту или иную форму обращения автора письма к своему адресату. В комплексе эти модели определяют общую типологию русского эпистолярного вокатива и фрагментарно представляют собой следующую картину.

Первых десять моделей вокатива с синтаксической доминантой антропонимом таковы:

Дорогой ИО – 1503 / 17 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Кони, Короленко, Маяковский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов);

И – 947 / 20 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Горький, Есенин, Жуковский, Короленко, Маяковский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Суворов, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов);

Многоуважаемый ИО – 777 / 13 (Блок, Булгаков, Бунин, Горький, Кони, Короленко, Лесков, Островский, Серафимович, Танеев, Толстой, Чайковский, Чехов);

ИО – 747 / 24 (Бабель, Баранцев, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Гоголь, Горький, Есенин, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Мусоргский, Островский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Суворов, Танеев, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов);

Дорогой И – 503 / 11 (Баранцев, Булгаков, Бунин, Есенин, Короленко, Маяковский, Мусоргский, Пастернак, Паустовский, Серафимович, Фадеев);

Милый (милейший) И – 418 / 15 (Бабель, Блок, Булгаков, Бунин, Герцен, Есенин, Жуковский, Маяковский, Островский, Паустовский, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов);

Милый (милейший) ИО – 329 / 15 (Бабель, Блок, Булгаков, Горький, Есенин, Жуковский, Мусоргский, Островский, Пушкин, Серафимович, Танеев, Толстой, Фадеев, Чайковский, Чехов);

Уважаемый ИО – 292 / 9 (Булгаков, Бунин, Горький, Есенин, Лесков, Серафимович, Толстой, Фадеев, Чехов);

Глубокоуважаемый ИО – 177 / 7 (Баранцев, Блок, Горький, Кони, Короленко, Паустовский, Танеев);

Любезный (любезнейший) ИО – 131 / 6 (Герцен, Жуковский, Лесков, Пушкин, Островский, Толстой).

Десять самых частых моделей вокативного апеллятива – это:

Милостивый государь – 185 / 6 (Герцен, Жуковский, Короленко, Пушкин, Суворов, Толстой);

Милостивый государь мой – 170 / 1 (Суворов);

Дорогой друг – 145 / 5 (Булгаков, Бунин, Горький, Толстой, Фадеев);

Голубчик (голубушка) – 136 / 9 (Бунин, Есенин, Жуковский, Короленко, Мусоргский, Серафимович, Толстой, Чайковский, Чехов);

Мама (мамочка, маменька) – 133 / 4 (Блок, Гоголь, Короленко, Маяковский);

Милый (милейший) – 129 / 8 (Блок, Бунин, Герцен, Есенин, Жуковский, Мусоргский, Пушкин, Серафимович);

Мой дорогой – 129 / 7 (Бабель, Бунин, Есенин, Короленко, Мусоргский, Пастернак, Серафимович);

Милый друг – 86 / 8 (Бабель, Блок, Бунин, Жуковский, Кони, Мусоргский, Толстой, Чайковский);

Брат – 81 / 7 (Бунин, Герцен, Гоголь, Есенин, Жуковский, Короленко, Серафимович);

Друг (друзе) – 60 / 6 (Бабель, Герцен, Гоголь, Жуковский, Мусоргский, Серафимович).

И десять запороговых моделей, представляющих собой комбинацию антропонима и апеллятива:

Милостивый государь ИО – 408 / 12 (Гоголь, Жуковский, Кони, Короленко, Лесков, Мусоргский, Островский, Пушкин, Суворов, Танеев, Толстой, Чехов);

Любезный (любезнейший) друг ИО – 364 / 3 (Лесков, Островский, Толстой);

Милостивый государь мой ИО – 121 / 1 (Суворов);

Дорогой товарищ Ф – 35 / 4 (Горький, Есенин, Паустовский, Фадеев);

Милостивый государь граф ИО – 30 / 2 (Пушкин, Суворов);

Милый друг ИО – 26 / 3 (Танеев, Толстой, Чайковский);

Милый друг И – 24 / 2 (Толстой, Чайковский);

Уважаемый товарищ Ф – 24 / 2 (Горький, Фадеев);

Товарищ Ф – 18 / 2 (Горький, Фадеев);

Голубчик (голубушка) ИО – 14 / 2 (Мусоргский, Чайковский).

Материал не только для собственно типологических построений, но и для размышлений относительно предпочтений в вокативном творчестве той или иной группы адресантов.

В четвёртом разделе «Поливокатив в эпистолярном тексте» описано ранее не изученное, насколько мы осведомлены, вокативное образование, состоящее более чем из одного обращения автора письменного послания к одному и тому же адресату в одном же к нему письме. Е. К. Куварова указала на ряд как объективных, так и субъективных предпосылок использования адресантами поливокатива и выделила три основных типа этой лингвистической фигуры: рамочный поливокатив, рассеянный и комбинированный. Рамочный поливокатив – это два обращения, первое из которых открывает письмо или фигурирует в его тексте как контактоустанавливающее, второе завершает соответствующее послание. Рамочный поливокатив в зависимости от степени соотносённости его компонентов может быть дублирующим (второе обращение повторяет первое – *дорогая мама ... дорогая мама*), редуцированным (во втором обращении опущены какие-то компоненты первого – *многоуважаемый Пётр Ильич ... Пётр Ильич*), расширенным (во второе обращение что-то добавлено – *Таня ... Таня, милая*) и, наконец, модифицированным (второе обращение по существу является иным вокативным образованием).

Рассеянный поливокатив – это два (*Аня ... голубушка ...*) и более (*... милая ... родная ... Нинок ... дорогая ...*) обращения, распределённых по всему тексту письма, но не входящих в завершающую его формулу. Рассеянный поливокатив может быть в свою очередь гомогенным, состоящим из одних и тех же обращений, и гетерогенным, включающим в себя разные обращения. В комбинированном поливокативе не менее трёх обращений, в нём совмещены компоненты рамочного и рассеянного поливокативов и по сути своей, как отмечает Е. К. Куварова, он является обрамлённым рассеянным вокативом такого, например, как в письме А. П. Чехова О. Л. Книппер, вида: *... милая актриса ... змея ... многоуважаемая*.

Пятый раздел «Стилистика русского эпистолярного вокатива» посвящён описанию и практической реализации разработанной автором рецензируемой монографии методики выявления индивидуально-авторских особенностей русского эпистолярного вокатива и персонификации вокативных образований у разных адресантов. Эта методика включает в себя три основных процедуры: 1) построение вектора вокативного ресурса, в котором указаны относительные количественные характеристики используемых тем или иным адресантом вокативов, 2) определение динамики введения в текст письма регулярных (запороговых) и спонтанных моделей обращения и 3) описание лексического наполнения вокативных конструкций теми её компонентами, которые детерминируют синтаксическую доминанту моделей, построенных соответственно на базе антропонима, апеллятива и их комбинации. Использование указанной методики даёт Е. К. Куваровой реальную возможность чётко и, на наш взгляд, совершенно объективно представить комплекс подлежащих

измерению специфических и лингвистически значимых особенностей эпистолярно-вокативного творчества каждого отдельного адресанта.

Выводы, к которым приходит автор рецензируемой монографии, вполне логичны и самым естественным образом вытекают из представленного ею теоретического аппарата (свыше 300 позиций), проанализированного фактического материала (более двадцати тысяч писем) и собственных научных изысканий, позволивших ей предложить научной общественности целый ряд находок, оригинальных и перспективных суждений относительно предмета её исследования как лингвистической фигуры, находок и суждений, на основе которых и построена предложенная Е. К. Куваровой типология русского эпистолярного вокатива.

Монография Е. К. Куваровой – это фундаментальное исследование, представляющее собой существенный научный вклад в эпистолярику, и в частности в те её разделы, которые так или иначе связаны с адресацией письма. Небезынтересной рецензируемая монография окажется и для синтаксистов, изучающих собственно обращение, поскольку в этом исследовании собран, описан и систематизирован большой и в полной мере репрезентативный фактический материал важнейшей и, пожалуй, самой массовой сферы письменного, а в известном смысле и литературного речетворчества людей – их переписки, обязательно предполагающей некую адресацию, а значит, и ту или иную форму обращения.